

18+

Сергей Филитов (Серж Фил)

*Свежий ветер
в концовке
прогулки*

ещё всё будет...

Сергей Филиппов (Серж Фил) Свежий ветер в концовке прогулки. Ещё всё будет...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50282824
ISBN 9785449810304*

Аннотация

Как же хочется узнать о том, что было, и о том, чего быть не могло! Но жизнь – это лишь прогулка, яркая, иногда авантюрная, но непременно конечная. Почему-то свежий ветер познания чаще всего улаживает нас именно в концовке этой прогулки. Как жалко...

Содержание

О смелом Рюрике, умном Олеге, терпеливом Игоре и хитрой-прехитрой Ольге	6
1	6
2	11
3	15
4	19
Князь Игорь	23
О Георгии Долгоруком, Андрее Боголюбском, их разной жизни, но похожей смерти	30
Глава первая	30
1	31
2	34
3	36
4	38
5	41
6	43
7	45
Глава вторая	48
1	49
2	51
3	53
4	55
5	57

6	59
Лирическое отступление во время напряжённого полевого сезона	61
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	62
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	65
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	69
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	73
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

**Свежий ветер
в концовке прогулки
Ещё всё будет...**

**Сергей Филиппов
(Серж Фил)**

© Сергей Филиппов (Серж Фил), 2020

ISBN 978-5-4498-1030-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О смелом Рюрике, умном Олеге, терпеливом Игоре и хитрой-прехитрой Ольге

1

Скука цепко и жадно держала
Силу Рюрика, воли хребет,
Лени липкое, сладкое жало
Жизни жажду сводило на нет.

Сколько славных побед одержал он,
Сколько взято людишек в полон,
В сундуках золотишка навалом,
Сколь народов, трясясь, бьют поклон!

Но масштаб, ох, не тот, широты нет,
Слава гуннов покой не дает —
Кровь, при думах о них, в жилах стынет,
На дыбы гулко сердце встаёт!

Рюрик храбр и силён, но не скор ум
И от мышц он, увы, поотстал,

Не всегда в голове мыслей кворум
Танец разума чётко плясал...

Слава Одину! – брат его не был
Той же умственной хворью сражён —
Парень ловкий, всегда знал он, где бы
Поиметь благ. Хитёр был, умён...

– Здравствуй, брат дорогой, – молвит **Олег**, —
Всё скучаешь, тоскуешь, а зря!

Рюрик

Ну, а ты, как всегда, весел, боек,
А в глазах будто светит заря.

Олег

Я доволен, не скрою, братуха,
Мною план грандиозный рождён,
Хоть руби мне мои оба уха,
Но ты будешь великим вождём!
Мне гонцы донесли спозаранок,
Что у наших соседей-славян
От бесчисленных их перебранок
В головах приключился изъян.
До того все они разругались,

Что князей своих выгнали вон
И совсем без правленья остались,
А народ без правленья – дурён.

Рюрик

Ну, так нам-то какие заботы?
Пусть об этом болят их мозги.

Олег

Да, опять убеждаюсь я, что ты
Не стратег, твои мысли узки!

Рюрик

Если будешь смеяться над братом,
То узнаешь, что в мире почём:
Вот возьму и писклявым кастратом
Тебя сделаю этим мечом!

Олег

Нет, не ждал я иного ответа,
Кто другой бы – поставил свечу
И молился всю жизнь! Где там, этот

Сразу тянет ручонки к мечу!

Рюрик

Или ты говоришь, брат любезный,
В чём задумки твои, или я
Отрублю твой язык бесполезный!

Олег

Всё, брат Рюрик! Зовёт нас земля!
Собирай-ка дружину поболее —
К славной Ладоге путь наш лежит!
Хватит жить там славянам на воле,
От неё им головки кружит.

Рюрик

Что ж, пограбим мы их мало-мало,
В первый раз, что ли? Эх невидаль!

Олег

Меня злость до печёнки достала!
Ну взгляни хоть ты раз, братка, в даль!
Мы придём к ним не грабить, а править,

Ты же будешь великий им князь,
Их прижмём, и они будут славить
Твоего только имени вязь!

Рюрик

Вот теперь вижу я без изъянов
Всё величие мыслей твоих!

Олег (про себя)

Нет уж, всех не узнаешь ты планов,
Нету места для Рюрика в них!

2

Всё случилось, как *Олег* предвидел:
Рюрик князем великим прослыл.
Но, конечно, никто не увидел,
Кто правитель здесь истинный был!

Но правления тайного мало!
Лет пятнадцать прождав кое-как,
Олег понял, что время настало,
Жить ему невтерпёж больше так!

Или *Один* внял воплю в молитве,
Или братка братухе помог —
Рюрик помер: не в сече, не в битве,
Явно не дошагав жизни срок.

Но остался от Рюрика отпрыск —
Ингвар, сын – но он мал был ещё
И печатью не мог делать оттиск.
На себя добрый дядя взял всё.

Опекуну покой был неведом,
Трясся он над братухи сынком.
Кстати, *Олег* здесь звался Олегом,
Ну, а Ингвар тут стал Игорьком.

И, собравшись в поход дальний, тяжкий,
Игорька он не бросил в тылу —
Пусть свой дух укрепляет варяжский,
В боевом пусть мужает пылу!

По лесам и лугам прёт дружина,
Обиравя попутно древлян,
А Олег учит братова сына:

Олег.

В жизни будь ты усерден и рьян.
Должен к цели заветной стремиться —
Если хочешь великим прослыть —
Не взирая на родства и лица,
Если нужно, и кровь щедро лить.
Только силы с жестокостью мало,
Коль не вынянчишь хитрость в себе, —
Чтоб основой в тебе она стала! —
Вряд ли будут удачи тебе.
Ну, скажи, кто отец был твой?

Игорь.

Рюрик!
Славный воин и храбрый варяг!

Твой отец был рубака и дурик,
Заменял ему мозги кулак!
Ты, племяшка, не циркай слюною,
А послушай, куда же я гну:
Рюрик сильный (с пустой головою)
Ни одну бы не выиграл войну!
Но, на счастье его, я был рядом,
Ненастырно советы давал,
К счастью, он понимал и был рад им,
Потому и в боях побеждал!
Ну, скажи-ка ты мне, Игорёчек,
Стал бы папа твой князем славян,
Если б я, не проспав много ночек,
Не придумал великий свой план?!
Будь хитрей хитрецов хитроумных
И жестокость держи в рукаве,
Но шагов избегай скородумных,
Прокрути их сто раз в голове.
Будь коварен и груб. Коли надо,
И предать можно – ежели впрок —
Но убей в себе жадности гада,
Жадность – это тягчайший порок.

Игорь – хоть и за папу обидно —
Всё же чувствует: дядюшка прав.
На глазах он мужает! Да, видно:

Наворочает дел, князем став!

3

На Руси нынче Киев столица,
Князь хотел так, и быть посему!
Здесь решил с Игорьком поселиться
Он уж лет двадцать пять как тому.

Раньше Киев был город свободный,
Над Днепром, гордый, мощно стоял,
Жили Дир в нём, Аскольд благородный,
И любил их народ, уважал.

Но Олег мог ли с этим смириться?
Чудный город и вдруг – не его!
Мы ж узнали: к чему он стремится,
Безусловно достигнет того!

Притворившись купцом, войско пряча,
Он Аскольда и Дира зовёт.
Но, известно, флиртушка-удача,
Кто наглее, у тех и живёт.

Два правителя Киева лихо
Обезглавлены твёрдой рукой,
Город занят спокойно и тихо,
Горожан не нарушен покой.

Так на практике Игорю дядя
Закреплял поученья свои.
Тот умнел, на жестокости глядя
Своей самой ближайшей родни...

Светят в Игоре взрослости краски,
И супруга-красавица есть:
Она Хельгой звалась по-варяжски,
Ольгой стала – в Олегову честь.

Ох, ладна, хороша эта Ольга!
Создал бог её не наобум,
А величия, грации сколько!
Но ценнее всего её ум!!

Да, казалась покорной овцою,
Но живут в ней и хитрость, и спесь,
Ну, а, хитрость скрестив с красотой,
Получаем гремучую смесь!

Сколько лет Игорёк жаждал бедный
В руки власть взять – как Рюрика сын —
Но Олег, старикашка зловредный,
Правит сам, хоть дожил до седин...

Как-то Игорь сидел, мёд вкушая,
Клюкву кислую в кислый клал рот,
Ольга входит:

Ольга

Муж, новость большая:
Наш правитель собрался в поход.
А поход-то, ни мало, ни много,
Он решил совершить на Царьград,
А к Царьграду опасна дорога!

Игорь

Пожелать ему счастья я рад!

Ольга

Ты дубина, урод и тетеря!
Сколько можно сидеть, чуда ждать?
Нет, беру дело в руки теперь я,
Буду счастье сама создавать!

Олег

Ты о чем это, Оля, толкуешь?
Не понять мне речей твоих суть,
Зря ты к дядиной власти ревнуешь,
Может, срок его жизни – чуть-чуть.

Сколько лет ты твердишь эту фразу,
Не устал ли язык молотить?
Я Олега сгублю по заказу,
Ты – наследник, и должен царить!
У меня человек есть, мне верный,
Я пошлю его с дядей в поход,
И, поверь, что Олег этот скверный,
В Киев ножками сам не придёт!

Игорь рот приоткрыл в возраженье,
Но, подумав, не стал возникать,
Вспомнил дядино он выраженье:
Если впрок, значит, можно предать!

4

Ольга в злости гуляет по берегу —
Не сбылась правота её слов:
Цареград платит дани Олегу,
Он же сам, хоть и стар, но здоров.

Как, княжна, ты, коль злишься, красива!
Взгляды хлёсткие, жесты резки,
Так упруга и явна та сила,
Что любого порвёт на куски!

Но была б наша Ольга собою,
С неизбежностью жизни смирясь?!
Нет, пожертвует даже главою,
Чтобы правил её любой князь!..

Как-то, с Киевом вблизи, кочевали
Волхвы малой, но дружной толпой,
И они-то Олегу сказали,
Что с его, мол, знакомы судьбой.

И по их, по волхвов речи гладкой,
Хочешь, смейся, а хочешь, заплачь,
Жизнь легла вот такую раскладкой:
Верный конь будет князю палач.

Посмеялся Олег над волхвами:
Не пужайте, мол, чушь здесь поря,
Наградил щедро магов дарами
(Но коня всё ж убрал втихаря).

С той поры лет пяток просвистело.
Вот, решил князь узнать о коне:
«Вдруг, волхвы напророчили дело,
И убийцею конь станет мне?!»

Конь любимый (известно как стало)
Жизнестранствие кончил своё,
И давно уже полировало
Череп белый его вороньё.

Но какая-то странная тяга
Манит князя туда поспешать,
Где его незабвенный коняга
Смог последний раз громко заржать.

Вот неделя проходит, и что же?
В Киев князя печально везут
И торжественно в смертное ложе
Тело, сильное прежде, кладут.

Что случилось, какие причины?
Князя, что ж, не смогли уберечь?!
Плачут женщины, хмуры мужчины —
На коварных врагов точат меч.

Но какие враги? Конь тот, разве,
Череп чей князь Олег пнул ногой?
Кто же знал, что в пустом его глазе
Змей живёт ядовитый и злой!

Он, конечно же, вылез и цапнул
Князя в голень, а, может, в икру.
Эх, Олег, ну зачем ты коня пнул?
Проиграл чисто волхвам игру!

По Олегу вся Русь горевала,
Слёзы капали в бурный бег рек.
Только Ольга одна правду знала,
Да ещё – верный ей человек.

Трое суток он, спрятавшись в ямке,
Караулил у конских костей,
Смрад вдыхал, что сочили останки,
Но дождался он всё же гостей.

И, когда князь Олег ноздри сморщил,
Череп конский с презрением пнул,
Человек, из-под хвороста толщи,
Ядовитой иголкой ткнул.

Вздрогнул князь: видит, змей уползает —
То безвредный, быть может, был уж —
Но об этом уже не узнает

Никогда хитрый доблестный муж!

Наконец-то вздохнул Игорь вольно!

Он судьбу свою благодарит!

Невдомёк простаку, что довольно

С ним судьба его рядом стоит!

Князь Игорь

Игорь был в годов оправе,
И, по меркам тех времён,
Называться мог бы вправе
Долгожительнейшим он!

Но зудит ещё в печёнке
Жажда славы и войны,
Он не хочет быть в сторонке,
Снятся воинские сны.

Да гудит ещё дружина:
– А, Свенельд-то, имец мзды,
Ведь ворует же, скотина,
Власти дёргая бразды!

Был у князя воеводой
Тот Свенельд, о коем речь,
Власти полною свободой
Он себя сумел облечь.

Очень быстры князя мысли —
Вот свою он кличет рать,
И, довольно скоро, вышли
В путь – деньжата собирать.

– Князе! – кто-то кричит, – древляне
Вот уже который год
Платят очень мало дани,
Недовольствуется народ!

– Сколько надо – столько взыщем,
Кто мы, рать али не рать?
Всё, что надо нам, отыщем,
Пусть попробуют дерзать!
Ну, а стены Коростена,
Коли будут выступать,
Раскатаем непременно,
Баб заставим выкупать!

Только речь зашла о бабах,
Приосанилася рать,
Будто бы смогла их запах
Среди леса обонять!

Но ещё езды немало,
Князь не юный, задремал,
И ему являться стало
То, что он позабывал...

Пред глазами, будто в яви,
Видит дяди грозный лик,
Кто же с ним сравнится в славе,
Кто же станет так велик?!

Был Олег великим воином,
Вещим звал его народ,
Дипломатом слыл достойным,
Рюриков прославил род.

Правда он Аскольда с Диром
Порубал – и был тем рад! —
Но возвысился над миром,
Грабанув святой Царьград!

Игорь при великом дяде
Бедным родственником слыл,
Хоть и в Киеве жил граде,
Но правителем не был.

Дядя умер как-то странно, —
Так пророчили волхвы, —
И извергнул Игорь планы
Из мудрящей головы.

Всем они известны, планы:
Первым делом – на Царьград,
Чтоб набить полней карманы —
Каждый воин будет рад.

Цель близка, желанна, зрима,
И покинут отчий дом,
Но, увы, удача мимо

Пронеслась, и всем облом!

Греки – хитрые ребята —
Начитались про Содом,
Что Господь его когда-то
Праведным залил огнём,

Прапрадедушку напалма
Без труда изобрели
И пожгли совсем бесславно
Игорёвы корабли!

Восвояси князь убрался,
Но, промчались год, другой,
И вторично он собрался
На заветный свой разбой.

Грекам Игорь – хрена горше,
И решаются они:
Откупиться будет проше
Без напалма и брани.

А дружинники довольны,
Князя – хватать, да и качать!
Эх, да все б такими войны
Были, что ещё желать!

Получалось всё в те годы,
Игорь весел был и рад.

Но окончились походы,
И напасти вновь грозят!

Печенеги силой давят,
От древлян всё меньше прок —
Князя Игоря не славят,
Платят нехотя оброк...

Князь проснулся в этом месте,
Вспомнил всё, что было в сне
И решил – для спасу чести —
Грабануть древлян вдвойне!

Но делить на всех добычу
Не резон, решает князь,
Большинство я ограничу:
Всё моё! Моя здесь власть!

Жадный князь, да с малой ратью,
Устремляется назад,
Едет, думает, что к счастью,
Как глаза его горят!

И кричит он князю Малу,
Прилетая в Коростен:
– Заплатил ты дани мало,
Вот вернулся я зачем!

– Игорь ты башкой не болен?

Иль инфляция в стране?
Что ты вечно недоволен?
Надоело это мне!

– Не буди во мне ты злобы,
Недостойный, глупый Мал!
Вы, древляне, узколобы,
Говорю: оброк твой мал!

– Всё, до самой селезёнки
Ты достал нас, «дикарей»! —
И кричит, чтоб две сосёнки
Наклонили поскорей!

И к макушкам, да покрепче,
Привязали бы князька,
Этот гадкий человек
Всем наделал много зла!

Сердце в пятки укатило,
Игорь вмиг похолодел,
«Жадность фраера сгубила!» —
Лишь подумать он успел.

Сосны кроны распрямили,
И, как тряпочку, по швам,
Тело князя разделили,
Разорвав напополам!

Это, вот, нам всем в примеры:
Будешь жадничать – виси!
Нет, не светские манеры
В древней матушке-Руси!

**О Георгии Долгоруком, Андрее
Боголюбском, их разной
жизни, но похожей смерти**

Глава первая

1

Улита – красотка и душка —
Гуляла у Чистых прудов,
А с ней Василиса, подружка,
Милашка – одних с ней годов.
Две юные стройные девы,
Таких нынче вряд ли найдёшь
(Коль есть, отзовитесь, эй, где вы?
Без вас пропадаю за грош!).
Так вот, чаровницы гуляли,
Держа нежно руку рукой,
Друг дружке сердца открывали,
Хоть тайны меж них никакой.

Улита

Опять он приснился, я, право,
С собой не могу совладать,
Сладка всем любви отравя,
Но как я устала страдать!
Ни пить мне, ни есть нету мочи,
И сон не даёт телу сил,
Соль слёз застывает мне очи...

Василиса

Эх, как он тебя зацепил!
Нет, Уля, влюбляться не стоит
В свой сон, пусть он трижды хорош —
Во сне он тебе глазки строит,
А в яви увидишь – помрёшь!
Живых ведь парней – ровно грязи,
Иди, выбирай, хоть кого!
Так нет, ты мечтаешь о князе,
К тому же, не видя его!

Улита

Пусть так, пусть глупа я, но знаю:
Он скоро приедет сюда,
Я сердцем своим ощущаю:
До встречи деньки, не года.

Подруга глядит с сожаленьем
На Улю, боярскую дочь:

Василиса

Зря мучишься ты сновиденьем,
Гони от себя его прочь.
Ведь ты не дитяtko малое,

Годков-то семнадцать тебе!

Улита

Оставь меня, Васа, в покое,
Знать, это угодно судьбе!

2

У вольной реки на излучке,
Где воды пьют вкусно рассвет,
Именье боярина Кучки
Стояло уже много лет.
Когда-то, в далёкие годы —
С тех пор пролетели века —
Катились спокойные воды,
Смородиной звалась река.
Но кто-то сменил речки имя
(Быть может, он ягод не ел?),
И стала она зваться ныне
Москвою, всего-то и дел!

Степан же Иванович Кучка,
Боярин, советник князей,
Не прост был, а та ещё штучка,
Хоть честным сльвёт средь друзей.
Нет, он богатей не из мелких —
И камни, и золото есть,
А лис, соболей, выдры, белки,
Куницыных шкурок – не счесть!
Но, как вы уже догадались,
Богатством его (шутки прочь!)
Не камни и шкурки являлись,
А Уля-красавица, дочь!

Но дочь, что алмаз без оправы,
Коль мужа достойного нет —
Одна раздобудешь ли славы,
Одна удивишь белый свет?
О, сколько Иваныч старался,
Каким женихам слал привет!
Из Улиных уст раздавался
Один лишь ответ: «Нет, и нет!»
Другой бы отец понапрасну
Не тратил терпенье своё
И живо замуж деву красну
Продал. Дальше – дело её!
Но Кучка Улиту не только
Любил больше солнца лучей
И ей позволял делать сколько
Угодно ей милых вещей,
Но он был в её власти полной —
Хотя дочери ум не силён.
А, может быть, жизни греховной,
Что в прошлом, стесняется он?
И ныне раскаянье точит,
Он дочке свободу даёт,
И та вытворяет, что хочет,
И замуж никак не идёт!?
Да больше того: в снах девица
Влюбилась в кого-то невесть.
Эх, что с молодёжью творится,
Совсем стыд потерян и честь!

Клонилося на запад светило,
С собой унося ясный день,
Зной спал, вместе с ним уходила
Из тел неприятная лень.
Андрей на коне встрепенулся,
Гоня от себя сна елей,
Зевнул, широко потянулся
И громко вскричал: – Э-ге-гей!
Его конь всхрапнул, с шага сбился,
Потом – тоже громко – заржал.
Дружинник какой-то свалился
С коня и за ним побежал.
И грянула смехом дружина,
Над парнем нескладным глумясь,
Всех громче ржал мощный мужчина —
Георгий Владимырьч, князь.

– А ну, поднажмём-ка, ребята! —
Кричит князь, пуская в ход плеть,
Торопится он до заката
В селенье Кучково успеть.
Там отдых их ждёт и веселье,
Хмель сладкий сбродивших медов,
Для тел и для душ воскресенье,
Забвенье от ратных трудов.

Мечи позатуплены в сечах,
Посбиты шипы в булавах,
Жгут шрамы – отметки о встречах
С врагом – на телах, головах!
А враг и силён, и коварен,
Умеет направить удар,
То вам не какой-то казарин,
То вам не казанский болгар.
У нас на Руси – смех и горе! —
Враг главный и злейший – родня,
Мы бьём, позабыв о позоре,
Друг друга с рождения дня.
В светёлках, в темницах, повсюду
Мы травим и душим своих
И, знаем пусть все про Иуду,
Но это там где-то... у них!

4

Князь после пирушки полночной —
Ведь сколько он ел, сколько пил! —
Не видит восход солнца сочный —
Болят голова, свет не мил.
Сжав цепко ковша с квасом ручку,
Пред очи свои звать велит
Степана Иваныча Кучку,
Но тот и без зова спешит.

Идёт, а в уме: «Вот же, дурень!
Сбежал бы в лесочек с утра,
Ведь знаю, что князь некультурен,
С похмельного если одра.
Уж сколько людей обезглавил
Он после полночных пиров!
Никто так погано не правил,
Плевав на мораль и богов!
И мягоньким местом я чую:
Князь пакость мне сообразит.
Плевать! Пусть лишь милую Улю
Господь наш надёжно хранит!»

Да, ласки не знал князь Георгий,
Имел страсть ко всяким грехам,
А, после ночных пьяных оргий,

Садист становился и хам!
Эх, знай прадед князя мудрейший
О правнука мерзких делах!
Но Мудрый он был, а не Вещий
(И тоже поплавал в грехах!).
Не скажешь, что нету ученья,
Но толку не видно в умах,
Зачем же писал поученья
Для деток отец Мономах:
– Любите, сынки, сильно Бога,
И людям не делайте зла,
Не пейте медов очень много,
Воюйте, война коль пришла,
Лениться не надо, повсюду
Учите других и себя,
А я с вами вечно пребуду,
Храня вас и крепко любя!

Не вникнул Георгий-князь свято
В ученье отца своего,
Со страстью войной шёл на брата
В союзе с врагами его.
К коварству всегда прибегая
Он жил – вероломство в ходу! —
Коль надобно, то привлекая
И половцев к делу орду.
Короче, всё делал супротив
Того, как велел Мономах —
Давил он и тех, кто был против,

И тех, рядом кто в двух шагах!..

Пред входом Степан оглянулся
И воздух, как рыба, глотнул,
Рукою махнул, весь согнулся
И в дверь, будто к плахе, шагнул.

5

Андрей был любитель природы,
Знаток птичьих звонких рулад,
Часами смотреть мог на воды,
Что между камнями бурлят.
Характер не в папу был явно,
Вернее же, в кроткую мать,
Но, коль приходилось, то славно
Андрей мог колоть и рубать.
В бою он не ведал пощады
К врагам и к себе самому,
Не лез втихаря из засады,
Не строил коварств никому.
Но, только утихнет шум битвы,
Воинственный дух пропадал,
Андрей погружался в молитвы,
И Богу себя отдавал...

И здесь он – в именье Кучково —
Спокоен был, мысли легки,
К Христу обращал своё слово
Над водами светлой реки.
Молил для себя он прощенья
И папе поблажек просил, —
За злые его прегрешенья, —
Лбом в землю стуча, что есть сил:

– Он, Боже, не ведает, право,
Что зло и коварство творит,
Важнее всего ему слава,
Себя Мономахом он мнит.
Конечно, то грех очень тяжкий,
Но кто же безгрешен, скажи?
В родителе жив дух варяжский,
А, коль ты варяг – нет души!
Её заменяет отвага,
Бесстрашие, к ворогу зло,
Любовь не к лицу для варяга,
Быть нежным – не дело его!
И, пусть я из рода того же,
Тебя больше жизни люблю,
Родне всей жестокой я, Боже,
Прощенье твоё отмолю!

6

Улита привычно гуляла
По берегу тихой Москвы,
Тоскуя, и не замечала
Ни птиц, ни зелёной травы.
До этого ль ей разнотравья?
До щебета ль птичьих хоров?
Душа Ули плачет, страдая,
Бежит прочь от шумных пиров...

А как же её предсказанье
О встрече с любимым из снов?
Дождется ли с милым лобзанья?
Услышит ли трепетных слов?..

Ах, что это с Улею стало?!
Стоит, распахнув веер век,
И сердце в груди заплясало,
И свет пред глазами померк!
Да, видит она: вот он! вот он!
Не бред то, не сон наяву,
И, словно толкнул её кто-то —
Прочь скромность! – шагнула к нему!

Андрей наш, закончив молиться,
С колен своё тело поднял.

И вдруг пред собою девицу-
Красавицу он увидал!
Но, так как он не был охотник
До прелестей девичьих тел,
Как рыба, раскрыл молча ротик,
Чихнул и мгновенно вспотел.

Представить попробуйте сами
Улиту с Андреем себе:
Она его жалит глазами,
А он же – ни «ме» и ни «бе»!
Стоит, онемев, дрожь в коленях,
Под темечком сердце стучит,
Из власти девичьего плена
Не смогут извлечь и врачи!

А Уля подходит к Андрею,
Сводя жаром тела с ума,
Его обнимает за шею
И крепко целует сама!

О, где ты, девичья стыдливость,
Воспетая в прозе, в стихах?
Не знаю. Но, чаще, игривость —
Подруга в амурных делах!

Георгий

– Ну, как тут делишки, Степаша?
Чем сможешь порадовать нас?
Даёт прибыль вотчина наша?
Давай, говори без прикрас.
Мы малость тут поиздержались,
Сам знаешь: война есть война,
Но славно зато порубались!
Эй, кто там? Подайте вина!

Кучка

Георгий Владимирыч, княже!
Порадовать нечем тебя,
Год был нехороший, мы, даже
Едва ли прокормим себя.
То засуха жаром давила —
За лето ни капли дождя —
А после всё градом побило,
Народ наш в унынье введя!

Но видит уже умный Кучка:
На мрачный лик князя спешит

Не туча, пока только тучка,
Но знамо, чем это грозит.
Он полнит тогда бесшабашно
Ковш всласть пробродившим медком,
И вскоре, легко и бесстрашно,
Нетрезвым плетёт языком:

Кучка

Руби, князь, мне голову к бесу,
Плевать, я скажу обо всём:
Мне нет ни хрена интересу
Сидеть тут в именье твоём!
Сам правь, собирай сам налоги,
Холопов суди меж собой,
Очисти от татей дороги —
Совсем задолбал их разбой!
А мне всё на кой это надо?!
Уйду, буду рыбу ловить
Да доченьку Улю, усладу,
Лелеять, холить и любить.

Степан говорил храбро спьяну,
Ещё осушив кубка два,
Потом, пав в объятья к дурману,
Склонилась на грудь голова.

Слуга князя, лопаюсь мощью,

Кивнул, мол, что делать мне с ним?

Георгий

Проспится пускай этой ночью,
Вопросы все завтра решим.

Глава вторая

1

По лесу, сквозь злые чащобы,
По лугу, меж тучных овец,
Гонец день и ночь скачет, чтобы
Узнали все: князю конец!
Гонца же за скорбные вести,
Что в сёла он нёс, в города,
Никто не угробил на месте,
Как принято было тогда.
Не плакали бабы в бессильи,
По ветру раскинув космы,
А мёду гонцу подносили,
Едой набивали сумы.
И только просили всем миром
Ещё повторять много раз,
Как с нашим простился князь миром,
Как сгинул он прочь с наших глаз!

Любимым легко быть народу
(Трудней заслужить его гнев!),
Но ловок был князь портить воду,
Собаку съел, в том преуспев.
Обманом он действовал плотно,
В коварстве – изящен и смел,
Врагов доставал, где угодно,
(За то ли прозвание имел?).

Ответ не найдёшь у науки
На этот вопрос непростой.
А, может, всё проще, и руки
Его различались длиной?
Так вот почему слёз рекою
Не льёт предовольный народ:
Не только князь мерзок душою,
К тому же – и телом урод!

Гонец спешает скорее
В Владимиро-Суздальский край,
Чтоб весть донести до Андрея:
Всё, сгинул родительский «Рай»!

2

Улита

Ещё! И ещё! Бесконечно
Хочу я тебя целовать!
Ах, время, как ты быстротечно!

Андрей

Всё, Уля, хорош баловать.
Оставь-ка свою неуёмность,
Уже ты не девушка чай,
Достоинство женщины – скромность!
Ты губки не дуй, не серчай,
Я тоже не юноша пылкий
С бушующим чувством в душе,
И ты озорство напрочь выкинь —
Мне скоро полтинник уже!

Улита вздыхает: «О, Боже!
Гневила ль когда я тебя?!
Тогда наказаньем за что же
Ты потчуеть щедро меня?
Зачем дал мне жаркое тело
И радость в любви стонать?»

Ты хочешь, чтоб я захотела
Всё это чужому отдать?
А что мне ещё остаётся:
Супруг холоднее, чем лёд,
Над страстью моей он смеётся,
Не в каждую ночь спать идёт.
А я от тоски изнываю,
Желаньем вот-вот истеку,
В подушку свою завываю!
Не зря ли я честь берегу?!

Улита стоит пред иконой,
Пытаясь услышать ответ
На вопль, пусть души и нескромной,
Но чистой. Ответа же нет!

А милый супруг весь при деле:
Владимир-град строит, спешит,
Жены страсть не чувствует в теле —
Заботой другой ум забит.
О Киеве помыслов нету,
Где прочно родитель сидел.
Андрею милей всего свету
Родимый суздальский удел!
Он строит с великим старанием
И красит свою сторону,
Пожертвовав жарким лобзаньем.
Нет времени, сил на жену!

3

Гонец, Русь проехавший с помпой,
Привыкший к восторгу похвал,
Размяк, не почувствовал попой,
Куда же он нынче попал!
И, только о князя кончине
Успел он Андрею сказать,
Мгновенно – по этой причине —
Велит тот его наказать:
Сначала гонцу бить то место,
В котором чутья дух пропал,
Потом же, гостиницы вместо,
В сырой его бросить подвал!

Андрей чтит родителя свято:
Себя тотчас в траур облёк,
Душа его скорбью объята,
Короче, хандрит, паренёк.
Проводит часы на коленях,
Лбом в пол без устатку долбит.
Бедняжка, усох он в моленьях,
Как жалок, тосклив его вид.

Но Уля зато вся – цветенье:
Блестит и манит влажность губ,
В очах же довольства свеченье.

Чем свёкор был так ей не люб?
Плевать ей на князя коварство,
Нет дела до грязных интриг,
Не злит и хмельное ухарство,
Которым был славен старик.
Велик грех в душе неумытой, —
Лишь кровью его можно смыть! —
Родителя славной Улиты
Георгий велел умертвить!
Убил просто так, злу в усладу,
Хмельное хлебая винцо,
За то, что Степан ему правду
Без робости бросил в лицо.
Поэтому Уля довольна,
Поэтому вся и цветёт.
Супругу сейчас, верно, больно,
Её же сердечко поёт!

Пока пусть Андрей погорюет,
Улита восторг изопьёт,
В подвале гонец поночует,
Мы ж в Киев слетаем. Вперёд!
Чего это вдруг князь Георгий
Нежданно откинул коньки?
Ведь он закалён в смраде оргий,
А органы князя крепки.
Быть может, в бою бесшабашном
Он голову буйну сложил?
Иль недугом тайным и страшным
Всевышний его поразил?
А, может, причина иная,
И совесть в нём вспыхнула вдруг,
Раскаяньем светлым страдая,
Его смерть – его ж дело рук?
Да нет, где там, проще всё было:
Зазвал его как-то к себе
На пьянку боярин Петрила,
И дни полетели в гульбе.
А после – похмелья муки,
И, дней не промчалось пяти,
Скончался наш князь Долгорукий,
Сошёл тяжко с жизни пути!
Кто знает, винище ли взяло

Печёнку его за грудки,
Подсыпал ли кто в зев бокала
Калорий не без порошки?
Но не были вскрытия в моде
Тогда на Руси дорогой,
Лишь несколько версий в народе
Гуляют, разнясь меж собой.
Да разве же главное в знаньи,
Причиной был яд ли, вино?
Всё дело в небес наказаньи:
Должно, и свершилось оно!

Промчалось полгода ли, год ли
Над суздальской славной землёй.
Андрей прекратил свои вопли
О папе. Он занят семьей.
Как прежде, в делах, много строит,
Удел укрепляет всерьёз,
Творца пред иконою молит,
Что *из* Вышеграда привез:
О благе детей и супруги,
О царстве небесном отцу,
Усталость не знали чтоб руки —
Ведь князю она не к лицу.

И тело его вдруг узнало
Желания буйного вихрь!
Ну, вот и Улита познала
Слияние тел их двоих.
Слиянье до сил истощенья,
Вот, будто бы, миг – и умрёшь!
Лишь шёпчут уста в восхищеньи:

– Ох, как же ты, князь мой, хорош!
Ждала я и верила, знала,
Что чувство проснётся в тебе,
Ты ожил, отца лишь не стало —

Злой дух он был в нашей судьбе!
Твою крепко сдерживал силу,
Мою же бесплодно сжигал,
Но тем надорвал свою жилу,
Он сам от себя пострадал!
Но, как ни жесток жизни росчерк,
Забудем, с судьбою смирясь.
Лишь жалко потерянных ночек.
Люби же, люби меня, князь!

Князь, в спор не вступая с супругой,
Спешит обладать ею всей:
Горячей, желанной, упругой!
Да он ли был холоден к ней?
Да разве же это вот тело
Не ведало страстности дрожь?
Да разве оно не хотело
Красотку, каких не найдёшь?

Андрей только скрипнул зубами —
В груди за прошедшее стыд! —
Он снова и снова делами
Исправить ошибки спешит!..

6

Увы, как потом оказалось
(Увы для Улиты-красы!),
Недолго любовь продолжалась,
Окончились страсти часы.
Андрея вины в этом нету
(Как в то я поверить хочу!),
Секс бурный в такие-то лета
Не каждому знать по плечу!

Улита во вкус только вникла,
Познала лишь страсти нектар,
Вдруг – всё! И красавица сникла,
Ах, как этот тяжек удар!
Навряд ли себе разрешила
Искать посторонних утех,
Не верю, чтоб Уля грешила.
И смолк её радостный смех.

А, может, не так дальше было,
И наша красотка, таясь,
Дарила кому-то часть пыла,
Который отверг её князь?..

Андрей же отдался работе —
Планировал, строил, радел,

Усталость снимал на охоте
И снова нырял в омут дел.

Он будет не только строитель
Церквей, городов, крепостей,
А славный и мудрый правитель,
Любимец всех русских людей!

Но он (ох, как часто так было!)
За это и будет убит,
И подло, не в *лице*, а с тыла.
Господь его да сохранит!..

Лирическое отступление во время напряжённого полевого сезона

**Вспоминать приятней раз от разу
Будни далеко ушедших лет,
Из души моей хандры проказу
Вымывают, словно по заказу,
Волны накатившего тепла,
И я вижу: жизнь добра, светла,
Не заляпан грязью чистый след.
Торжествуют плоть моя и разум!**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утро началось с подъёма,
С умыванья и еды,
Пусть далёко нам до дому,
Только в этом нет беды.
Нас сюда силком не гнали,
По этапам не везли,
Добровольно прискакали
Мы в таёжные дали!

– Эй, Алёнушка, подружка,
Просыпайся, шевелись!
Слышишь, щедрая кукушка
Нам отмеривает жизнь!

Настроенье у Алёнки
По утрам не мармелад —
Паклей взбиты волосёнки,
Сморщен носик, хмурен взгляд!
Но зато дружище Вовик —
Любо-дорого глядеть:
Балагурист, ловок, боек,
И, к несчастью, любит петь!
Он мечтал в тайге, в болотах
Ноги в пояс истоптать,
Истерзать себя работой,

Но труда героем стать!

Говорил:

– Своё здоровье,
Если надо, погублю,
Изойду мочой и кровью
И тайгу всю изрублю,
Но меня узнают всюду,
Песни сложат в честь мою!
Или, пусть я проклят буду,
Жизнь свою вином залью!

Что ж, пускай, его заботы,
Хочет так, пусть будет так,
Лишь бы польза для работы,
Всяк по-своему... чужак!

После завтрака мясного
Наступает благодать,
И желанья никакого
На работу не сыскать!
И Алёнка смотрит томно,
Шепчет:
– Может, отдохнём?

Искушенье так огромно!
Ладно, жертвуем сим днём!
Но в палатке день валяться —
Скукотища из скукот.

Значит, следует смотаться
В непредвиденный поход:

– Тут, верстах в семи, в восьми ли,
В деревушке магазин,
Мы ведь хлеба вкус забыли
Среди елей и осин!
Ну, а ты, наш милый Вовик,
Тут не вздумай заскучать,
Наостряй-ка свой топорик,
Время – подвиги свершать!

Парень вряд ли был доволен,
Что останется один,
Но в желаньях он не волен,
Я здесь полный господин!

Помахали ручкой Вове
И пошлёпали вперед.
Знать бы, что случится вскоре,
Может, дали б задний ход.
Впрочем, нет, в душе российской
Камикадзе естество:
Пусть о смерти знаем близкой,
Чепуха, плюём на то!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ох и трудно же шагати
В неуклюжих сапогах
По гнилой и скользкой гати.
Чёрт, опять влетел по пах!
Пусть Алёнка и девица, —
Красотою через край, —
Но так смачно матерится,
Что хоть уши зашивай!
Повторять за ней не стану,
Ни про попу, ни про мать,
Эх, скорей бы на поляну
Выйти, в травке полежать!

– Хватит, хватит материться,
Потерпи ещё чуток,
Посмотри-ка, как струится
Этот чудный ручеёк!

– Шли бы в место между ног,
Ровным строем, ать и два,
Ты и чудный ручеёк! —
Вот и все её слова!

Наконец, участок долгий
Пройден, поровну с грехом,

И, на сбитой ветром ёлке,
Мы устроились верхом.
Год сидел бы в сладкой неге,
Ветерок лоя лицом,
На глаза надвинув веки,
Не мечтая ни о чём...

– Ну, Алёнка, отдышалась?
Поднимаемся, вперёд,
Ведь совсем чуток осталось!
Скоро кончится поход!

Вброд пропахана речушка,
Мы мокры, но, сквозь кусты,
Показалась деревушка.

– Всё, Алёнка, рада ты?

– Ничего себе награда! —
Ей не сразу угодишь! —
Что ж, теперь от счастья надо
Мне подпрыгнуть? Вот уж – шиш!
Я промокла по бюстгальтер,
В волосах хвоя и грязь,
Говорила же мне мать:
«Не за дело ты взялась!»
Ты, Серёженька, балда,
Затащил меня сюда,
Понавешал вермишель

Мне на кончики ушей!..

Но закончились мытарства,
И, почти без драк и ссор,
Мы, покинув леса царство,
Выпали в полей простор.

Вдруг, Алёнка молвит: – Гадок
Вид мой после передряг,
Я должна себя в порядок
Привести, хоть кое-как.

– Что за глупость, дорогая?!
Вот смотрю я на тебя —
Ты ж красивая такая!

– Может быть, но – для тебя.
Не один ты в мире этом
В красоте имеешь толк,
Пусть себя ты мнишь поэтом,
Лучше бы сейчас замолк!

И буквально в два мгновенья
Нанесён был макияж,
И случилось превращенье.
Вот что значит нужный стаж!

– Интересно мне, кого ты
Хочешь этим удивить?

Мы ведь вышли из болота
Не в кафе, а хлеб купить!

– Не понять тебе, Сергуш,
Тайников девичьих душ,
Не твоя стезя советы,
Лучше уж пиши сонеты!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Быстро сделаны покупки:
Хлеба десять кирпичей.
Макароны, чай и крупки,
Всё, на выход.

– Ты, брат, чей? —

Слышу я и вижу: парень,
С виду – интеллектуален,
Из-под кепочки – вихор,
Смотрит на меня в упор:
– Чей ты, брат, каких краёв,
Не из Питера ли, часом?

И обличие моё
Изучает. Тут я, басом,
Кашлянув:
– Из Ленинграда,
Здесь работаем, в тайге.

– Бог ты мой, ведь это ж надо,
Земляки попались мне!

И он, радостно и страстно,
Начинает лобызать

Нас с Алёнкой много раз, но
Я спешу ему сказать:

– Знаешь, милый друг, я рад,
Что твой город – Ленинград,
Только ты не тронь девчонку! —
И тяну к себе Алёнку.

– Что вы, что вы, бога ради,
Извините за порыв,
Я ведь не был в Ленинграде
С очень давнишней поры!
Не трепач я, не проказник,
Для меня сегодня праздник!
И, осмелюсь настоять,
Чтобы в гости вас позвать!

Я, конечно, начинаю
Про работу говорить,
Мол, специфика такая —
Нужно срочно лес рубить.
Боковое всё же зреньё
На Алёнке, та в сомненьи,
Но сомненья – еле-еле.
Решено, идём к земле!..

В небе звёздочки зажглись,
Мы прилично напились!
Спит на грядке землячок,

Под башкою – кабачок.
Посидеть ещё недолго?
Вдруг, проснулось чувство долга.
Встали мы, собрали вещи
И пошли, но – облуневши.
Путь далёк нам, но не это
Главных трудностей моток,
Где страна какая света —
Запад, север, юг, восток?
По Полярной я звезде
Север отыщу везде!
Но на небе почему-то
Кто-то звёзды перепутал!

– Эх, Алёнка, всё не так,
Где же в небе Лебедь, Рак?

Та ж, не в силах суть понять:
– Щуки тоже не видать!

– В нашем небе нету Щуки!

– А зато – Луны две штуки!

Я смотрю: нет, полторы,
Но примолкну до поры!
До меня вдруг доскакало:
Обнаружить север мало,
Нужно ведь задать себе

Направление в ходьбе,
А вот с этим делом туго,
В памяти – большая фига!

– Всё, любимая подруга,
Разум мой во тьму упрыгал!

Только нету сил сердиться
У подруги на меня:
– Как хочу я очутиться
Рядом с Вовкой, у огня!

– Что же, метод есть один:
Полагаться на инстинкт,
Коль ему совсем отдаться —
Шанс есть с Вовой повстречаться.

– Я за шанс отдаться рада
Партизанскому отряду,
Даже, если очень надо, —
Три-четыре раза кряду!

И, махнув рукой на разум,
Мы запели песню разом:
Как во степи, да глухой
Замерзал ямщик молодой!..

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

...Глаз открылся: всё в порядке,
Я лежу в своей палатке!
Справа – верная подружка,
Слева – Вовика макушка.
Память нудно возвращалась
Постепенно, но не вся,
А блаженство превращалось
В ломоту, сон унося.
Что же, вспомню я пока
Про банкет у земляка.
Но, увы, в мозгах туманно,
А в утробе так погано!

– Эй, стахановец, подъём! —
Крикнул я, и наблюдаю:
Вовик глаз открыл, но в нём
Что-то я не замечаю
Вдохновенья трудового
Или просто интерес.

– Эй, подъём! – ору я снова.

– Не кричи, разбудишь лес!

– Ах ты девственный романтик,

В зад тебе трёхцветный бантик!

– В смысле, русский триколор?! —
Вовик взгляд в меня упёр.

Вдруг:

– Сережечка, дружок, —
Тих Алёнки голосок, —
Или дашь ты мне попить,
Или будешь хоронить
Моё девственное тело
В этом мерзостном лесу! —
И тихонечко запела,
Мол, беду свою несу.

Но – от прошлых возлияний —
Не хватило сил в гортани:
Коль была вчера ты пьяна,
Позабудь своё сопрано!

Всё! Негоже так лежать!
Нужно что-то сотворять!

– Вовик, твой язык востёр, —
Разжигай скорей костёр
И готовь нам завтрак, чаю,
Ты рабочий или как?
Это я права качаю?
Ах, ты, так твою, растак!

Ты меня совсем достал,
Пять минут тебе даю —
Чтоб костер горел, пылал!
Чай не тронь, сам заварю.

Только мы хотели встать,
Слышим вдруг:
– Едрёна мать! —
А потом пошли глаголы —
Их не помню я из школы.

Знобко вздрогнула Алёнка:
– Как орёт парнишка звонко!
Знаю я его беспечность —
Не оттяпал ли конечность?!

– Допустить вполне могу я, —
Говорю, – вопрос: какую?
Лишь не ногу, бога ради,
А не то – на шею сядет,
И таскай его потом,
Да на пару с рюкзаком!

Но Алёнке парня жаль,
И в глазах её печаль...

Вот в палатку Вовик влез с ним,
Своим личиком прелестным,
И уставился на нас,

Но один лишь смотрит глаз.
Глаз другой сочится кровью,
Но не травма – пустячок:
Веко треснуло под бровью.
Вдруг, как даст мне в мозжечок!

– Вовик, травма-то сильна, —
На Алёнку я смотрю,
Ей мигаю, но она
Не поймает мысль мою.

– Помнишь, видели вчера
Мы медпункт в деревне той?!
Вовке самая пора
Полечить там глазик свой.
Заодно же он зайдёт
В магазинчик, что ли,
И пускай там... соль возьмёт —
Мы ж не взяли соли!!!

Намекнуть хватило разу,
Чтоб смекнуть Алёнке сразу:
– Мне б настало облегченье
Лишь от винного леченья!

А потом, отбросив тормоз,
Говорит, возвысив голос:
– Если я не похмелюсь,
То пойду и удавлюсь!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Просто адская работа
Ожидать кого-чего-то,
Твои органы внутри
Пляшут вялую кадриль:
То защемит селезёнка,
То – желудочный колит,
А любимая печёнка
Давит в бок, крутя кульбит!

На часах сошлись две стрелки
И, обнявшись, замерли.
Все уснули: птички, белки,
Тихо в нашем лагере.

Только в дрёму я нырнул,
Слышу голос тоненький:

– Вот, гад, всё же обманул,
Миленький мой, родненький!

– Что ты там бормочешь? Бредишь?
Эй, Алёнка, всё о «кей»?

– Нет, обидно очень мне лишь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.